

numerical ratio. However, the ministry of finance and E.F. Kankrin refused to forbid Central Asian merchants to trade at internal Russian fairs as it would result in stagnation in trade and would make prices for goods higher. This problem for the first quarter of the 19th century couldn't be solved as it was connected with the geopolitical status quo existing in the region. It only started to get solutions with an active military advance of Russia to Central Asia in the second half of the 19th century.

Keywords: Orenburg Region; Central Asia; Russian Empire; foreign trade; customs policy; governors; Asian Committee; Ministry of Finance; crisis; Central Asia; Central Asia; Khivan khanate; Bukhara emirate; Kokand khanate; military governors; civil governors; merchants; geopolitics; acculturation.

УДК 94(47)"1831"+323.311.3

ПРОЕКТИРОВАНИЕ СОСЛОВИЯ ОДНОДВОРЦЕВ ЗАПАДНЫХ ГУБЕРНИЙ В 1831 ГОДУ

© 2017

Трояновский Константин Вадимович, аспирант Аспирантской школы по историческим наукам

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Аннотация. В статье анализируется ход проектирования сословия однодворцев западных губерний, которое предполагалось сформировать из мелких шляхтичей, не доказавших своего дворянства. Автор исследует обстоятельства подготовки законопроекта о шляхте в Комитете по делам западных губерний, уделяя особое внимание дискуссии между гродненским губернатором М.Н. Муравьевым и членами Комитета по вопросу о способах перевода мелкой шляхты в податные категории населения. Если Муравьев настаивал на приписке шляхтичей к уже существовавшим податным «обществам», то Комитет высказывался в пользу создания из них отдельного сословия. Сложившаяся в России система сословий предопределила место не признанных во дворянстве шляхтичей в социальной иерархии империи. Члены нового сословия по своему юридическому статусу («состоянию») должны были войти в широкую категорию «свободных обывателей».

Несмотря на идентичность выбранного для нового сословия названия, однодворцы великороссийских губерний не стали для него моделью, поскольку сохраняли ряд исторически сложившихся особенностей, которые не согласовывались с формами, ставшими к XIX в. обязательными для податных сословий.

Важной чертой проектирования сословия западных однодворцев был подбор чиновниками – разработчиками законопроекта таких языковых средств для публичных актов, которые бы не задевали шляхетского достоинства их адресатов.

Ключевые слова: Российская империя; сословия; однодворцы западных губерний; мелкая шляхта; мелкое дворянство; «свободные обыватели»; Комитет по делам западных губерний; Николай I; Е.Ф. Канкрин; М.Н. Муравьев; Западный край; «польские» губернии; имперская политика; социальный статус; сословные права и привилегии.

По итогам разделов Речи Посполитой в конце XVIII столетия в пределах Российской империи оказалось около 250 тысяч дворян исчезнувшего государства [1, с. 158, 163, 164]. Польско-литовское дворянство представляло собой конгломерат различных по своему имущественному положению социальных групп. Значительное его большинство составляла безземельная шляхта, представители которой занимались хлебопашеством и садоводством на арендуемых участках, ремеслами, службой по найму в помещичьих домах и экономиях, в местечках и городах. При Павле I и Александре I правительство придерживалось в отношении старопольского дворянства политики статус-кво.

Вопросы истории шляхты в Российской империи плодотворно разрабатываются историками Белоруссии, Украины, Литвы и Польши (Современную историографию см. в: [2, с. 943–970; 3, с. 7–8]). Однако в их работах не уделяется практически никакого внимания особенностям сословного строя империи, которые влияли на формирование государственной политики в отношении речьпосполитского нобилитета. В историографии нет специальных работ, посвященных подготовке указа 19 октября 1831 г. о создании сословия граждан и однодворцев западных губерний. Советский историк В.И. Неупокоев был, пожалуй, единственным исследователем, который кратко из-

ложил существо проектов преобразования мелкой шляхты 1824–1831 гг. и обратил внимание на разногласия, возникшие в высших правительственных кругах при обсуждении этого вопроса [4].

Одним из дискуссионных вопросов историографии является роль государства в формировании и развитии сословий в России [5, с. 77–78; 6, с. 9]. Рассматриваемый в настоящей статье сюжет может быть интересен как пример того, как власти «конструировали» совершенно новую социально-правовую категорию с предназначенным ей местом в имперской сословной иерархии.

После польского восстания 1830–1831 гг. задача решения шляхетского вопроса была возложена Николаем I на созданный в сентябре 1831 г. специальный Комитет, который известен в историографии как «Комитет (по делам) западных губерний» [7] (далее – КЗГ). Сам факт создания подобного органа, в состав которого вошли ключевые министры, и поручение ему незамедлительно заняться вопросом о шляхте свидетельствовали о выдвигании этой проблемы в глазах самодержца на первое место по своей приоритетности.

22 и 28 сентября 1831 г. прошли два заседания Комитета, которые были полностью посвящены рассмотрению вопроса о мелкой шляхте [8, л. 11–43 об.]. На обсуждение было представлено несколько

проектов ее преобразования. Наиболее обширным был проект «Положения о шляхте», подготовленный в 1829 г. по «высочайшему» повелению комиссией, состоявшей из чиновников министерств финансов, внутренних дел и военного. Процесс согласования «Положения» в ведомствах шел вплоть до октября 1831 г. [9, л. 650 об.] Этот проект предусматривал институализацию мелкой шляхты в рамках имперской системы в качестве отдельного полупривилегированного сословия, на которое возлагалось выполнение ряда обязанностей перед государством – главным образом, 8-летняя служба в кавалерийских полках для всех мужчин и уплата денежного сбора собственниками земли [10, л. 143–211 об]. Однако после Ноябрьского восстания проект «Положения» 1829 г. оказался для верховной власти неприемлемым, поскольку предусматривал формирование воинских частей, укомплектованных в основном мелкой шляхтой.

В журнале Комитета описаниям проектов предшествовал исторический экскурс о польском дворянстве. Он дает общее представление о том, как петербургским бюрократам виделось бывшее привилегированное сословие Речи Посполитой. Авторы экскурса проецировали в прошлое Польши современные им представления о назначении и функциях дворянства в государстве. Приводились выдержки из польских законов и Литовского статута, которые были подобраны таким образом, что в них в основном говорилось об обязанностях шляхты перед государством. Упоминания об ее обширных привилегиях и правах, в том числе политических, почти отсутствовали. Главным лейтмотивом всего отрывка была мысль о том, что проектируемые ныне меры являются естественным продолжением и восстановлением силы польско-литовских законов в отношении шляхты. Так, обязанность участвовать в посполитых ружьях («земских ополчениях», по выражению авторов справки) во времена Речи Посполитой трактовалась как основание для того, чтобы возложить теперь на шляхту воинскую повинность. Аналогично трактовались и обязательные денежные сборы, известные в старой Польше как «офяра» и «подымное» [8, л. 11 об.–17].

Перед Комитетом стояла непростая задача определить юридическое положение мелкой шляхты в системе сословий Российской империи. По замыслу сановников, первоначальным объектом правительственных мер должна была стать масса шляхтичей, которые не представили доказательств о своем происхождении в дворянские депутатские собрания и не были утверждены во дворянстве. В журнале КЗГ они обозначаются как «именующиеся шляхтою» («без доказательств на сие звание») [8, л. 36 об., 37 об.–43 и др.]. Судя по содержанию журнала сентябрьских заседаний, у Комитета не было ясного представления о будущем административно-правовом положении мелкой шляхты. Скорее, контуры ее статуса формировались по ходу рассмотрения представленных в Комитет проектов. Тем не менее в рассуждениях Комитета достаточно четко прослеживалась одна установка: отныне шляхтичи должны исполнять в пользу государства основные обязанности, закрепленные за непривилегированными сословиями импе-

рии, – платить денежную подать и нести воинскую повинность.

При обсуждении одного из проектов была отвергнута мысль о придании мелкой шляхте правового статуса однодворцев великороссийских губерний. Появление подобной идеи было не случайным. Со времени первого раздела Речи Посполитой экономическое положение мелкой шляхты давало повод российским чиновникам уподоблять ее однодворцам внутренних губерний, которые считались одним из разрядов государственных крестьян. Основными причинами распространения на однодворцев переписи 1719–1721 гг. и последующего обложения подушной податью были их занятия хлебопашеством и сельским хозяйством. Окрестьянивание служилых людей южных окраин Московского государства было достаточным основанием для их уравнивания с тяглыми категориями населения [11, с. 170]. Тем не менее потомки служилых людей сохраняли право душевладения и могли требовать наделения землей из казенного фонда.

Хотя в журнале КЗГ не зафиксированы индивидуальные мнения сановников, резонно предположить, что несогласие Комитета с идеей придания шляхтичам статуса однодворцев было высказано под влиянием министра финансов Е.Ф. Канкрин. Еще весной 1831 г., комментируя по просьбе царя записки Опочинина и гр. Кушелева-Безбородко о польских областях, министр высказался против поспешного изменения в положении шляхты и уравнивания ее с однодворцами [12, л. 248 об.–249, 258 об.]. Финансовое ведомство не желало брать на себя ответственность за устройство хозяйственного быта и взимание податей с безземельной, часто меняющей место жительства шляхты. Однако в качестве видимых обоснований такой позиции были указаны, во-первых, малоимущее положение шляхтичей, что делало право душевладения для них излишним, и, во-вторых, дефицит казенных земель в Западном крае [8, л. 26 об.–27].

Однако в сложившейся после Ноябрьского восстания ситуации, когда центральная власть перестала признавать де-факто за мелкой шляхтой дворянский статус, для нее оставалось место только на низших ступенях сословной иерархии империи. Как раз в то время, когда сановники должны были определить правовой статус мелкой шляхты, в Санкт-Петербурге готовился к публикации Свод законов, девятый том которого должен был оформить четырехчастную систему «состояний» – юридических статусов подданных российских монархов: дворянства, духовенства, «городских обывателей» и «сельских обывателей» [13]. Основную массу «свободных сельских обывателей» составляли государственные крестьяне. В их состав со второй половины XVIII в. зачислялись разные категории некрепостного населения, занимавшегося, как правило, сельским хозяйством [14, с. 38–44]. По выражению Н.М. Дружинина, «сословие государственных крестьян превратилось в огромный резервуар, куда стекались различные потоки земледельческого населения» [14, с. 43]. Существование такого «резервуара» способствовало имперской политике по интеграции некрепостного земледельческого населения некоренных территорий. В рамках «состояния» свободных сельских обывателей нахо-

дились различные сословные группы центра и окраин, сохранявшие при этом свои правовые особенности. Значительный его процент составляло население Поволжья. Согласно «Уставу об управлении инородцев» 1822 г., в число государственных крестьян были включены все оседлые «инородцы»-нехристиане, занимавшиеся земледелием [15]. Итак, в силу сложившейся в империи системы сословий мелкие шляхтичи должны были войти в широкую категорию «свободных обывателей».

Организационной основой непривилегированных сословий в России были локальные сословные «общества» (общины), наделяемые государством коллективными правами и обязанностями по платежу податей и отбыванию повинностей [16, с. 6, 17, 48]. Апробированным механизмом, обеспечивающим выполнение обществами перед государством своих обязанностей, являлся принцип круговой поруки – коллективной ответственности всех членов общества по исполнению возлагаемых на них обязательств. Именно поэтому принципиальным вопросом, который встал на первом же заседании КЗГ, был выбор между двумя основными вариантами перевода шляхты в «свободные обыватели». Предстояло решить, будет ли она реорганизована таким образом, что составит отдельное сословие, или же ее члены будут по отдельности причислены к обществам уже существующих податных сословий.

Первый вариант перевода шляхты в «свободные обыватели» предполагал объединение ее в отдельных обществах. Так же, как и при подготовке «Положения» 1829 г. такая организация мелкой шляхты казалась Е.Ф. Канкрину и теперь наиболее подходящей для ее преобразования. Второй вариант предлагался в проекте могилевского (с сентября 1831 г. – гродненского) губернатора М.Н. Муравьева, который был передан на рассмотрение в КЗГ по указанию Николая I. Занимая с 1828 г. высокие административные посты в «польских» губерниях, Муравьев успел снискать в глазах монарха репутацию эксперта по делам этого региона. По мнению Муравьева, «оседлые» шляхтичи должны были «избрать род жизни», т.е. записаться в уже существующие общества купцов, мещан или крестьян. В случае реализации этого проекта бывшие дворяне Речи Посполитой юридически были бы уравнены с непривилегированными классами и оказались бы под контролем податной общины. Считая шляхту «первым орудием возмущения», Муравьев предлагал и другие радикальные меры, направленные на сокращение ее численности и лишения возможности наносить государству «вред». В качестве одной из таких мер Муравьев предлагал выселить на Кавказскую пограничную линию наиболее опасную категорию шляхты – «неоседлую» (т.е. не имевшую долговременного места жительства и занимавшуюся, как правило, службой по найму), из которой необходимо было сформировать «пограничное охранное войско» [12, с. 9–20 об.].

Исходя из прагматических соображений, Комитет выступил противником форсированной приписки шляхты к мещанам и крестьянам, поскольку это противоречило сложившейся административно-фискаль-

ной практике. В силу того, что податные общества были основаны на принципе круговой поруки, приписка к ним новых членов допускалась только с разрешения самих мещан и крестьян. Для того чтобы план Муравьева был реализован, потребовалось бы законодательно лишить общества права давать свое согласие на прием новых членов. Директивная же приписка часто меняющей место жительства и избегающих платежа податей неоседлой шляхты привела бы только к увеличению налогового бремени каждого общества [8, с. 33 об.–34]. Все это могло бы подорвать социальную стабильность на западных окраинах. В итоге Комитет поручил министру финансов разработать регламент о раскладке и взимании податей со шляхты, определив наиболее удобный вариант ее приписки [8, с. 39]. Очевидно, что Комитет и в этот раз прислушался к мнению Канкринина как главы ведомства, определявшего налоговую политику в государстве. Вместо насильственного переселения шляхты на Кавказ, КЗГ выдвинул программу постепенного добровольного переселения безземельных шляхтичей во внутренние губернии с предоставлением им участков из казенного фонда [8, с. 41–41 об.].

4 октября 1831 г. император одобрил журнал Комитета и поручил ему подготовить законопроект о шляхте. Однако отданные В.П. Кочубею распоряжения свидетельствовали о том, что Николай I занял компромиссную линию в споре Муравьева с КЗГ. Одобрив заключение Комитета по устройству шляхты, он распорядился немедленно организовать переселение 5 тысяч шляхетских семей на Кавказ [8, с. 44–45]. Таким образом, из двух радикальных планов Муравьева – предписать шляхтичам «избрать род жизни» в течение года и выселить «неоседлых» на Кавказ, царь поддержал лишь последний. Он не решился или не посчитал действительно нужным вопреки мнению министра финансов изменять сложившийся фискально-административный порядок. Проект указа о шляхте был подготовлен на заседании КЗГ 5 октября 1831 г., на котором по указанию царя присутствовал и М.Н. Муравьев.

Приехав в Москву для празднования победы над польскими «мятежниками», 19 октября 1831 г. Николай I подписал указ о шляхте западных губерний [17]. Скорее всего, редакция указа, подготовленная по итогам заседания КЗГ 5 октября, не была окончательной, и его доработка продолжалась в Москве. В первопрестольной император активно работал над законопроектами по преобразованию западных губерний, в том числе и над указом о шляхте [18, с. 502]. По сравнению с программой, помещенной в журнале сентябрьских заседаний КЗГ, в опубликованном тексте указа произошли изменения не в пользу шляхты. Главным из них было появление применительно к шляхтичам – адресатам правительственных мер, терминов «однодворцы» и «граждане» западных губерний. Как мы видели, КЗГ был противником придания шляхтичам статуса однодворцев. По свидетельству М.Н. Муравьева, на заседании 5 октября Комитет согласился с его предложением «совершенно уничтожить наименование шляхты, дабы не дать им малейшего повода мыслить и мечтать о

прежних преимуществах и правах...» [19, л. 1–4]. Однако нового наименования преобразуемой шляхты в журнале 5 октября не упоминалось [8, л. 52–57]. Очевидно, что Комитет желал сохранить за новым сословием традиционное название польского дворянства, придерживаясь своей линии на совершение «переворота» в положении шляхты постепенными, нерезкими действиями. Однако понимая, что точка зрения Муравьева близка самому императору, члены Комитета были вынуждены согласиться с этим предложением. Вероятно, что новые наименования попали в текст указа во время его доработки в Москве.

Несмотря на идентичность выбранного названия, однодворцы великороссийских губерний не стали моделью для конструировавшегося из мелкой шляхты сословия. Они обладали рядом исторически сложившихся особенностей, которые казались теперь правительству анахронизмами, создававшими трудности в их управлении. Однодворцы сохраняли право владения крепостными, не знали общины и круговой поруки при выполнении повинностей, что серьезно затрудняло сбор с них налогов [20, р. 222–224]. Если в XVIII в. формировавшееся в России регулярное государство еще допускало такие отклонения от нормы для податных сословий, то в эпоху николаевской рационализации общественной структуры это уже было невозможным. Хотя мелкие шляхтичи, переводимые в западные однодворцы, имели со времен Речи Посполитой аналогичные особенности, невысокое положение вновь создаваемого сословия в общественной иерархии империи исключало возможность их сохранения в дальнейшем.

Установив государственные повинности вновь создаваемого сословия, сановники не торопились определять объем гражданских прав его членов. Виленский генерал-губернатор Н.А. Долгоруков в декабре 1832 г. писал к Канкрину: «...было бы совершенно необходимо обнародовать предположения Правительства насчет всех вообще гражданских прав однодворцев и распространяются ли на них права российских однодворцев» [21, л. 76 об.]. Однако ни тогда, ни позже подобного разъяснения издано не было. Дальнейшие меры правительства по регулированию объема прав мелкой шляхты носили реактивный характер. Так, 16 января 1834 г. КЗГ в ответ на запрос из Минской губернии запретил всем шляхтичам, не признанным во дворянстве Герольдией, приобретать крепостных [22]. В указе 19 октября владельцы крепостных были выделены в особую категорию, регламент о которой должен был быть составлен после проведения переписи.

Главными обязанностями однодворцев и граждан становились уплата «подымного сбора на содержание войск» и воинская служба. Особый статус мелкой шляхты в несении повинностей подчеркивался двумя обстоятельствами, отличающими ее от прочих податных групп. Во-первых, для шляхты вводился особый налог, и она была освобождена от уплаты подушной подати, которой маркировались податные, непривилегированные сословия [23, р. 21]. Налог был дифференцирован в зависимости от рода занятий и от наличия собственной земли и варьировался от 3 до 1 рубля серебром с домохозяйства. Во-вто-

рых, при выполнении воинской повинности шляхтичи должны были служить 15 лет, в то время как срок службы для крестьян и мещан составлял 25 лет (с 1834 г. – фактически 20 лет). Ориентиром для определения такого срока стала длительность службы в армии великорусских однодворцев и малороссийских казаков [8, л. 38 об.–39, 39 об.–40 об.]. Однако нормы набора для западных однодворцев были повышенными.

Учреждением нового сословия правительство намеревалось не столько приобрести новый людской ресурс для государственных нужд, сколько вывести шляхту за рамки санкционированных властью сословий и юридически ликвидировать социальную группу, которая пользовалась авторитетом и престижем в стратегически важном регионе империи. Так, в ноябре 1831 г. Комитет министров при обсуждении рапортов Канкрин отметил: «...не подлежит сомнению, что при издании указа 19 октября имелась в виду более цель политическая, нежели финансовая» [24, л. 60 об.–61]. В феврале 1833 г., рассматривая предложения виленского генерал-губернатора кн. Н.А. Долгорукова об изменении процедуры взятия однодворцев в рекруты, Комитет отметил, что «в деле сем вообще имелась более в виду цель политическая, нежели способ к усилению войск» [25, л. 24].

Инструментом политической «нейтрализации» и интеграции мелкой шляхты в общественно-государственный организм империи и должно было стать новое сословие. Для властей было важно, чтобы шляхтичи, пусть и в добровольно-принудительном порядке, но сами подавали просьбы о записи в однодворцы. В этом виделось главное условие их отказа от притязаний на дворянские привилегии и особое положение в обществе Западного края. Поэтому авторы закона постарались облечь его в такие формы, которые бы не вызвали явного отторжения у людей, считавших себя польскими дворянами. Выше было показано, как имперские законодатели пытались преподнести новые нормы в отношении шляхты в виде естественного развития законов Речи Посполитой. Опасаясь неосторожными действиями спровоцировать волнения в недавно замиренном регионе, центральная власть изобретательно подбирала для публикуемых актов такие языковые средства, которые бы не задевали шляхетского достоинства. Кажется, что на первых порах высшие администраторы старались закамуфлировать существо издаваемых указов. 1 декабря 1831 г. Комитет министров постановил, чтобы «во всех распоряжениях, до шляхты относящихся, избегать даже всяких выражений и именовании, употребляемых в законах наших собственно для состояний податных, как то: ревизия, подати, рекруты и проч.» [25, л. 62]. Так, во время проведения «разбора» (переписи) шляхты в 1831–1833 гг. и восьмой ревизии от однодворцев и граждан были потребованы не ревизские сказки, а «посемейные списки»; в сенатском указе 1834 г., объявлявшем о первом наборе однодворцев на службу, говорилось не о рекрутстве, а о «личной воинской повинности» [26]. Однако, затушевывая роняющие шляхетское достоинство стороны, специальные языковые формы указов не меняли содержания повинностей, налагаемых на шляхту.

Отправной точкой для формирования новой административно-правовой категории должно было стать проведение переписи шляхты. Как и при регулярно проводимых ревизиях податного населения, ее назначение состояло в полном учете наличной шляхты с целью определения суммы податей и составления рекрутских реестров. В ходе переписи не доказавшие своего дворянства шляхтичи должны были быть разделены в зависимости от места жительства на граждан (жители городов) и однодворцев (сельские жители). Введение этого различия объясняется разделением всех «свободных обывателей» в империи на городских и сельских. Стоит отметить, что изданный 1 декабря указ о правилах проведения переписи [27] вводил территориальные границы для вновь образуемого сословия, несмотря на то, что в указе 19 октября такого ограничения не было. Статус однодворца или гражданина шляхтич мог сохранять только при условии проживания в пределах Западного края. При переезде в другие губернии он должен был приписаться к местному городскому или сельскому обществу, тем самым лишаясь особых прав. Таким образом, для нового сословия вводилась своеобразная черта оседлости.

В развитие указа 19 октября Министерство финансов подготовило три положения «О порядке раскладки подымного сбора», «О распорядке воинской повинности» и «О распорядке внутреннего полицейского и хозяйственного управления», которые 14 января 1834 г. были утверждены Николаем I «в виде опыта» на три года [28]. Для управления однодворцами была использована модель организации «казенных поселен», введенная павловским указом 7 августа 1797 г. для казенных селений [29, л. 448 об.]. В качестве образца для составления регламентов была использована «инструкция», изданная Министерством финансов, для опытного управления государственными крестьянами в Петербургской и Псковской губерниях [30, л. 52]. Для сбора податей и отбывания рекрутской повинности однодворцы должны были быть объединены в общества в составе около 100 семей. Так же, как и у казенных крестьян, общества однодворцев обладали правом самоуправления и несли солидарную ответственность перед государством на основе принципа круговой поруки [28]. Таким образом, несмотря на кажущийся особый статус, сословная организация бывшей шляхты должна была стать копией таковой государственных крестьян. Установив для налогообложения однодворцев и граждан «подымную» подать и отказавшись в издаваемых актах от терминов, указывающих на их низкий социальный статус, империя проявила гибкость при создании нового сословия, что, впрочем, не изменяло его сущности как непривилегированного. Включение мелких шляхтичей в состав широкой социально-правовой категории «свободных обывателей» виделся законодателям залогом их последующей ассимиляции непривилегированными классами населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Кабузан В.М., Троицкий С.М. Изменения в численности, удельном весе и размещении дворянства в России в 1782–1858 гг. // История СССР. М., 1971. № 4. С. 153–169.

2. Бовуа Д. Гордиев узел Российской империи: Власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793–1914) / Авторизован. пер. с фр. М.А. Крисань. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 1008 с.
3. Макаравіч В.С. Дробная шляхта Беларусі ў 30–60-я гг. XIX ст.: Склад і эвалюцыя сацыяльна-прававога становішча; аўтарэферат дыс. ... канд. гіст. навук. Мінск, 2009. 23 с.
4. Неупокоев В.И. Преобразование беспоместной шляхты в Литве в податное сословие однодворцев и граждан (вторая треть XIX в.) // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. Т. VI. М.: Наука, 1974. С. 3–22.
5. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. Т. 1. 548 с.
6. Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XIX века). М.: Новый хронограф, 2010. 752 с.
7. Архипова Т.Г. Комитет западных губерний 1831–1848 гг. (К истории политики царизма в отношении национальных окраин) // Труды Московского государственного историко-архивного института. 1970. Т. 28. С. 512–528.
8. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1266. Оп. 1. Д. 8.
9. РГИА. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 346 б (346 ч. II).
10. РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. 1830 г. Д. 648 а.
11. Анисимов Е.В. Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России. 1719–1728 гг. Л.: Наука. Ленинград. отд-е, 1982. 292 с.
12. РГИА. Ф. 1266. Оп. 1. Д. 9.
13. Свод законов Российской империи. Т. IX. Свод законов о состоянии людей в государстве. СПб., 1832. 447 с.
14. Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. Т. I. М., Л.: Издательство Академии Наук СССР. 1946. 635 с.
15. ПСЗ-1. Т. 38, № 29126. Гл. IV. §§ 17, 22.
16. Smith A.K. For the Common Good and Their Own Well-Being. Social Estates in Imperial Russia. Oxford University Press, 2014. 278 pp.
17. ПСЗ-2. Т. 6. Отд. 2. № 4869.
18. Бенкендорф А.Х. Воспоминания 1802–1837. М.: Российский фонд культуры, 2012. 759 с.
19. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 252.
20. Lazarev J. Однодворцы в системе прямого налогообложения России XVIII в. // Cahiers du Monde russe. Vol. 55. No. 3–4. 2014.
21. РГИА. Ф. 571. Оп. 1. Д. 1438.
22. ПСЗ-2. № 6779. Т. 9. Отд. 1.
23. Freeze G.L. The Soslovie (Estate) Paradigm and Russian Social History // American Historical Review. Vol. 91. No 1 (February 1986).
24. РГИА. Ф. 571. Оп. 1. Д. 1431.
25. РГИА. Ф. 1266. Оп. 1. Д. 12.
26. ПСЗ-2. Т. 9. Отд. 1. № 7116.
27. ПСЗ-2. Т. 6. Отд. 2. № 4977.
28. ПСЗ. Т. 9. Отд. 1. № 6734.
29. РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 724.
30. РГИА. Ф. 384. Оп. 1. Д. 14.

DESIGNING THE SOCIAL ESTATE OF ODNODVORTSY OF THE WESTERN PROVINCES IN 1831

© 2017

Troianowski Constantin Vadimovich, PhD student, Doctoral School of History
National Research University «Higher School of Economics» (Saint Petersburg, Russian Federation)

Abstract. This article investigates the process of designing of the new social estate in imperial Russia – *odnodvortsy* of the western provinces. This social category was designed specifically for those petty szlachta who did not possess documents to prove their noble ancestry and status. The author analyses deliberations on the subject that took place in the Committee for the Western Provinces. The author focuses on the argument between senior imperial officials and the Grodno governor Mikhail Muraviev on the issue of registering petty szlachta in fiscal rolls. Muraviev argued against setting up a special fiscal-administrative category for petty szlachta suggesting that its members should join the already existing unprivileged categories of peasants and burgers. Because this proposal ran against the established fiscal practices, the Committee opted for creating a distinct social estate for petty szlachta. The existing social estate paradigm in Russia pre-assigned the location of the new *soslovie* in the imperial social hierarchy. Western *odnodvortsy* were to be included into a broad legal status category of the «free inhabitants». Despite similarity of the name, the new estate was not modeled on the *odnodvortsy* of the Russian provinces because they retained from the past certain privileges (e.g. the right to possess serfs) that did not correspond to the 19th century attributes of unprivileged social estates.

Keywords: Russian empire; lands of partitioned Poland; western borderlands; Committee for Western Provinces; Nicholas I; Mikhail Muraviev (Murav'ev); Georg Kankrin; imperial politics; classes; Polish nobility; petty szlachta; social status; fiscal privileges and obligations.

УДК 929

В.А. ПАНОВ: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ПОМЕЩИКА-СЛАВЯНОФИЛА

© 2017

Судаков Михаил Александрович, кандидат исторических наук,
доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин; старший научный сотрудник отдела археологии
Ульяновский институт гражданской авиации имени Главного маршала авиации Б.П. Бугаева;
Научно-исследовательский институт истории и культуры Ульяновской области имени Н.М. Карамзина
(г. Ульяновск, Российская Федерация)

Аннотация. Целью данной статьи является анализ деятельности В.А. Панова – одного из ранних представителей славянофильства. Его биография представляет явный интерес в контексте истории российской общественной мысли. Краткий историографический обзор показывает необходимость более широкого привлечения архивных материалов, способствующих уточнению наших представлений о жизни и деятельности Василия Алексеевича Панова. Автор характеризует основные направления деятельности В.А. Панова в научной и редакционно-издательской сфере, показывает его сотрудничество с Н.В. Гоголем (Панов являлся литературным секретарем последнего). Показано, что наиболее значимой стороной деятельности В.А. Панова была его активная работа по подготовке к изданию двух выпусков славянофильского альманаха «Московский литературный и ученый сборник». Это издание сплотило почти всех видных представителей названного течения общественной мысли и вызвало заметный резонанс. Использование автором материалов Государственного архива Ульяновской области позволило изобразить Панова-помещика на фоне истории его рода. Копии жалованных грамот, изученные автором, показывают, что упрочение экономических позиций Пановых в Поволжском регионе относится к XVII веку. Этот процесс был связан с активным участием предков В.А. Панова в боевых действиях на стороне Московского царства против польского королевича Владислава и в ходе русско-турецкой войны 1672–1681 гг. Сам В.А. Панов владел землями на территории трех губерний (Симбирской, Пензенской и Нижегородской). Примечательным фактом его хозяйственной деятельности явилось участие в проведении специального межевания земель.

Ключевые слова: В.А. Панов; славянофильство; общественная мысль; Н.В. Гоголь; балканские народы; «Симбирский сборник»; Д.А. Валуев; «Московский литературный и ученый сборник»; «Сербские народные песни»; вотчина; поместье; Симбирская губерния; Пензенская губерния; Нижегородская губерния; Анастасово; специальное межевание.

В истории общественной мысли России XIX века весьма заметное место занимает славянофильство. Идейное наследие славянофилов отличается богатством и многообразием. Мыслителей этого направления интересовали различные проблемные вопросы того времени (политические, социально-экономические, философские и пр.). Весьма важным было стремление философов и литераторов осмыслить место России в системе международных отношений,

определить роль русских в семье славянских народов. Эта проблематика не утратила своего значения по сей день. В связи с этим обращение к творчеству славянофилов представляется достаточно актуальным. Прославленными представителями славянофильства являются А.С. Хомяков, братья Киреевские и братья Аксаковы, Ю.Ф. Самарин. Меньшую известность имеет Василий Алексеевич Панов (1819–1849) – один из ранних славянофилов, внесший за-